

В хоккее была тогда тройка Михайлов, Петров, Харламов. Они находили друг друга на площадке с закрытыми глазами. Так же понимали друг друга Надежда Гашева и Алексей Решетов, земляки, родные души. «Мне так с тобой не одиноко было!» — эти слова Лёши дорогого стоят. Редактирование Надя понимала как сотворчество. Так выстраивала решетовские сборники, что ни единого шва не было видно. Даже названия складывались в поэтический ряд — от «Белого листа» до «Тёмных светов».

Когда я только делал первые шаги в литературе, Гашевы жили на Макаренко, у телецентра. У них всегда был полон дом людей, пели, читали стихи, выпивали на кухне. Думаю, все они, и я в том числе, иногда досаждали хозяевам. Помню Надин возглас к мужу: «Борька, туши свет! Они на свет ползут!» Напишешь стихотворение — и надо прочитать кому-то из Гашевых. Отличное средство зайти в гости, пока не появился телефон. Знаете, как встречали? Как будто это Боря сам написал...

Многие не любят рассказывать свои замыслы, считается, что это навредит, слазить может... Наде я рассказывал всё. Не представляю, как бы я писал без неё. Многим обязан Наде. Первая моя книжечка стихов вышла в 1967 году, на излёте оттепели, когда время шло уже «маленькими шажками». Из Москвы пришёл отрицательный отзыв. Но Надя положила его в сейф, рискуя работой и положением.

У неё был жуткий интерес к литературе. Именно литературу она любила. Ради редакторской работы пренебрегла собственным дарованием — редчайший случай. Знаете, среди цирковых специальностей есть вольтижёры — воздушные гимнасты и ловиторы — те, которые ловят вольтижёров, когда они падают... должны поймать (представляете, работа?!). И Надя написала: «Улетают мои вольтижёры. Ловиторы не ловят меня...» По-настоящему пронзительно.

Надежда
и Борис Гашевы
и Эдуард Шумов,
1960-е годы

Образ

Нина Васильева, доцент филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета:

— Надя никогда не жаловала житейские «реквизиты»: в круг её забот и интересов не входили ни модная одежда, ни косметика, ни парикмахерские новинки, ни стильная мебель, ни детали женского туалета. Нет, она могла отметить красивое платье, обратить внимание на элегантную стрижку, выразить восхищение по поводу какой-нибудь твоей новой вещи — и в целом проявить эстетическое любопытство. Но она никогда не посвящала этому своё личное время и энергию. Ей вообще не были нужны для самоутверждения какие-либо материальные знаки — она жила без них, вне них, над ними. Собственный стиль был предельно лаконичен и прост, если не сказать строг, а экзистенция личности ориентирована на другие ценности. Полнота и концентрация духовного начала превосходила потребность и необходимость в их материальном закреплении и предъявлении окружающему миру.

Надежда
Пермякова
(Гашева) и Нина
Васильева, начало
1960-х годов